

Петр Бобринской

СТИХИ

ПАРИЖ

Петр Бобринской

СТИХИ

ПРЕДИСЛОВИЕ Г. В. АДАМОВИЧА

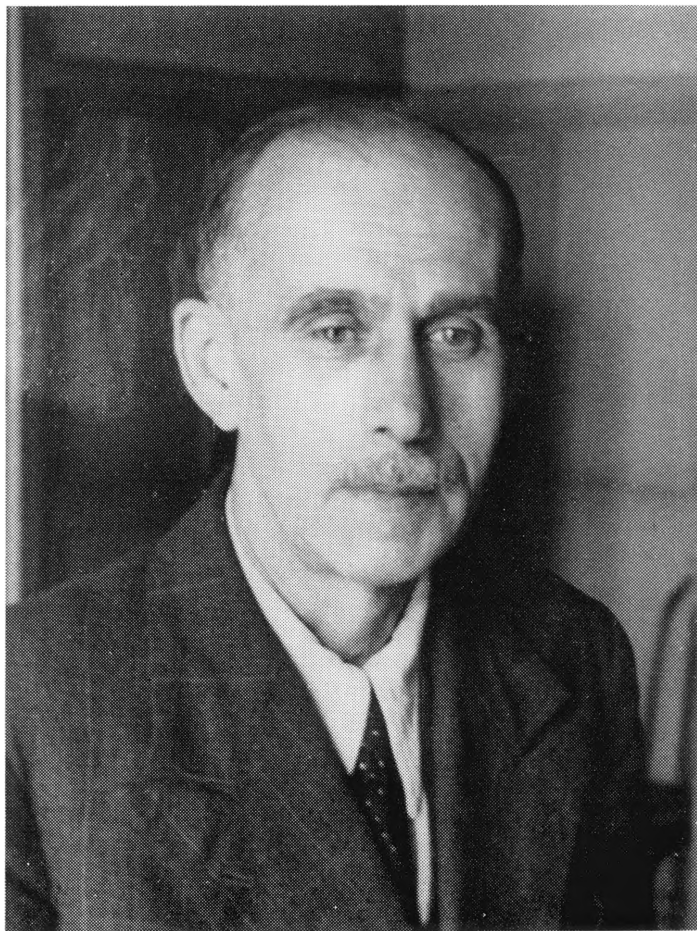
ПАРИЖ

1 9 6 9

Обложка работы художника Александра Серебрякова.

Париж. 1969.

Mary Bobrinsky. 9, rue Charcot. Neuilly-sur-Seine (92).
France

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ БОБРИНСКОЙ
1893 — 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Нет ничего бесполезнее, даже вреднее комментариев к стихам».

Утверждение это принадлежит автору предлагаемого сборника и сразу заставляет задуматься: если таково было мнение покойного графа Петра Бобринского, уместно ли предисловие к его стихам, не счел ли бы он и его «бесполезным, даже вредным»?

Однако комментарии комментариям рознь, и повидимому слова гр. Бобринского, находящиеся в его давней статье о поэзии Поля Валери, относятся лишь к довольно распространенному стремлению выразить вполне внятным и ясным складом речи то, что составляет истинное содержание стихов. Некоторая темнота в поэзии естественна, пожалуй даже неизбежна, и попытки прозаической ее перефразировки почти всегда приводят к недоразумению. Но это не значит, конечно, что о стихах вообще нельзя говорить и что мысли, ими вызываемые, не поддаются логическому изложению. Уверен, что гр. Бобринский оспаривать этого не стал бы.

Стихи, включенные в его посмертный сборник, вызывают не мало мыслей, главным образом вероятно потому, что они сами мыслью проникнуты и этим выделяются среди большинства стихов нашего времени. По мнению Пушкина этим выделялся Баратынский среди поэтов его эпохи, а гр. Бобринской несомненно — один из духовных внуков или правнуков Баратынского. Знаменитую формулу, которой тот определил особенности своей музыки — «Лица не общее выражение» — гр. Бобринской во всяком случае принял к исполнению, как нечто и ему завещанное.

Каков источник вдохновения Бобринского, о чем он настойчивее всего говорит? На беглый, поверхностный взгляд ничего своеобразного в его излюбленных темах нет. Россия, «жестокая родина», давно им покинутая, но не забытая, и любовь принесшая ему счастье еще в далекой юности и поддерживавшая в его душе свет до последних лет жизни. Казалось бы, кто из наших поэтов-скитальцев так или иначе этих тем не касался? Почти все. Но в поэзии понятие «как» играет роль не меньшую, чем понятие «что», и надо отдать гр. Бобринскому справедливость, он обладал даром безотчетно присваивать себе, будто неотъемлемую свою собственность, темы и мотивы самые общие. Напев, интонация его стихов неповторимо индивидуальны. В тех из них, которые посвящены России, нет ни резкого, вызывающего отталкивания от ее нового облика, поэту глубоко чуждого, ни готовности к тому, что на языке политическом называется «согла-

шательством». Есть удивление, есть желание сдumatся и понять, остаться верным воспоминанию о «горестной и чудной душе моей земли», а над всем этим есть смутное сознание неотвратимости случившегося.

Лев Шестов, один из редких русских мыслителей, наделенных острым слухом к поэзии, утверждал, что по прочтении книги, — а сборника стихов в особенности, — надо постараться забыть все автором сказанное и спросить себя: что осталось в памяти? удержался ли в ней, будто затихающее дребезжание струны, отзвук прочитанного? Если не осталось и не удержалось ничего, если кроме дословного содержания в книгу ничего вложено не было, не стоило ее и читать. Стихи гр. Бобринского дребезжат в памяти долго после того, как книга закрыта. Остается впечатление непрерывного, неподдельного духовного подъема и какого то прирожденного духовного благородства, которым каждое стихотворение проникнуто. Это относится одинаково и к стихам о России, и к стихам о любви. Впрочем, в большинстве стихотворений темы эти так тесно сплетены, что трудно определить, где кончается одна, где возникает вторая.

В сущности этот сборник — нечто вроде внутренней биографии поэта. К зрелым годам, чуть ли не в преддверии старости, стихи Бобринского становятся суше, сдержаннее. Ни о чем прошлом поэт не жалеет, он склонен скорей благодарить за него, но признается, что к свету он тянется «все равнодушной» и что свет ему все

труднее доступен. Подкупает в таком признании отсутствие позы и рисовки. Поэт любит жизнь, ценит все, что она человеку дает, — даже если не к каждому из нас она оказалась одинаково милосердна и щедра, — и готов расстаться с нею, не теша себя никакими обольщениями. Все было хорошо, все должно быть хорошо и для наших далеких или близких потомков, в главном, в целом, какие бы невзгоды на их преходящем веку их ни ждали.

Пишу эти строки и ловлю себя на мысли: а не пытаюсь ли я, сам того не замечая, дать «комментарий» к стихам гр. Бобринского, вопреки воле автора? Нет, эти замечания я делаю на полях книги, ничего в ней не объясняя. Стихи нельзя объяснять. Но можно передать то, что возникает в сознании как бы при встрече с ними, — и можно пожелать, чтобы удовлетворение и радость от этой встречи испытали и другие.

Георгий Адамович

МАРИНА

Рыбачьих свернутых сетей
Вальки у набережной гладкой.
Лес опрокинутый снастей
Упал в веселом беспорядке
В сияющую синеву.
Я в небе вымпелов нарву
И принесу тебе в подарок.
Под однозвучный плеск воды
Меж грузных тел фелюг и барок,
Сомкнувших тесные ряды, —
Канатом розового локтя
Не обожги, привстав едва, —
На палубе, где запах дегтя
Напоминает Острова...
А завтра теплый ветер с суши,
Догнав ушедших в дальний путь,
Разлуки долгий стон нарушит, —
Мне упадет, как ты, на грудь.

М О Р О З

Мы дни суровые забудем,
Блеск нетерпимый этих дней,
Когда вернемся в морок буден
Жестокой родины своей.

Ища в последствиях причины
В угаре тлеющей лучины,
В сугробах зим погребены,
За явь безпечную мы примем
Не пошлинами вековыми —
Морозом кованные сны.

Он неизменен наш заветный,
Непоборимый наш мороз,
В искристый иней разодетый,
Приветлив, ясен и пригож.
Сковав разъятыя стихии
Души твоей, души — России,
И круг запретный очертив,
Он будет вновь стоять на страже,
В лосинах, в реющем плюмаже,
Перед твоим порогом, Скиф!

И будет сказка длиться, длиться
Для потерявших путь в ночи.
И будет былью небылица.
Уже кружат, летят грачи.
И гасит в преддекабрьской мути
Мгновенный пламень революций
Возвратное дыхание зим.
Рукой поднятые железной
Мы под разверстной звездной бездной
Обвороженные летим.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Мы память в сердце сберегли —
О, пыльный вкус родной земли —
И помним мы сквозь год кровавый
Короткой ночи синеву,
Преображенную Неву
И наши юныя забавы.

Как с озаренных островов,
Под стук расшатанных торцов,
Летишь с подругой полусонной,
И в старом доме места нет,
Где-б утренний небрезжил свет,
В зеркальных окнах преломленный.

*
**

Близ гавани есть тихий сад
И тень, где каждый скрыться рад,
От уличной уставший пыли,

Под серой крышей низкий дом,
Где-б утренний не брезжил свет,
Нам звезды крупные светили.

Тогда бегущих ровно дней
Соблазны чудились сильней,
И в их неотвратимой гонке
Едва мелькнул — поймешь ли ты —
Твой — скорбной музы — профиль тонкий
И белые в руках цветы.

*
**

Но гасли призраки свободы
Под шум военной непогоды,
Восстаний дымные огни
Светили пальцам Пенелопы,
И в целом мире мы одни —
Вечерней зрители Европы.

И ты, с которой навсегда
Нас разлучить могли года
Провалом павшие меж нами, —
Неомрачен твой светлый щит,
И ангельскими голосами
С тобою сердце говорит.

*
**

Нас в эти годы не пытали
Ни умозрительныя дали,
Ни ночь твоих жестоких снов, —
Сквозь козий мех твоей милоти
Знакомый вкус родимой плоти
Был нам, как в детстве, прян и нов.

Все та же ты, и той же четкой
Неизменившейся походкой
Благословенная идешь,
Вдыхая горечь грудью жадной,
В подоле риз, сквозь сумрак чадный
Цветы весенние несешь.

Певцам твоей минутной славы
Черней не выцедить отравы,
Какую нам испить дано,
Да кубок полный сини липкой
С холодной претворим улыбкой
В новорожденное вино.

*
**

Но памяти отрадно бремя
Земной не разомкнувшим плен,
Прейдет бушующее племя.
В дыму грядущих перемен
Лишь вечное избегнет тлен,
И перед ним бессильно время.

зимой

ПОРОША

Жизнь покойную прославим и земную
Малую любовь благословим.
Поздней осенью пороши белизну и
Ранних прелесть зим.

К холоду душа, как тело, чуткой
Стала. Доживет ли до весны любовь?
Свежесть индевеющего утра
Жжет лицо и студит кровь.

Дома тихая останется подруга.
Только с сумерками к ней вернусь,
Из луной очерченного круга
В тихій дом тихонько постучусь.

НЕЖНОСТЬ

Ласково зимой тепло постели,
Ласковой объятья милых рук.
В этой странной жизни неужели
Нежность, как любовь, погаснет вдруг?

И останется лишь кучка пепла
На снегу, слепящем белизной,
Там, где тихая росла и крепла
И погасла — странницей ночной.

В этом мире, где любовь обманет,
На ветру развеется как дым,
Ту, что кротко в сердце нам заглянет,
Как любовь, благословим.

ПОДРУГА

«Друг, войди, ты холоден и нежен
Этот день, всю жизнь я прождала.
Зимний день был ясен и мятежен,
Но любовь, как никогда, цвела.

Осиянным сделай этот вечер
Кровь тяжелая стучит в виски,
Успокой взволнованные плечи
Ласковым касанием руки.

За окошком свет безмерен лунный,
Как игрушечные спят дома.
Звонкая натягивает струны,
Нам благоприятная зима.

ВЕЧЕР

Вечер. Лампа вспыхивает скупю
В комнате висит душистый дым,
Но вдвоем ли справимся со скукой
И в глаза друг другу поглядим.

В этих зеркалах неугомонных
Отразилось все — добро и зло,
Да, что длило бред ночей бессонных
Или пламень жертвенный загло.

Пену славы, жизни шум мы сменим
На покой уже безпенных рек,
На упорный медленным паденьем
Тайну жизни хоронящий снег.

*
**

Ранним утром вышла ты из дома
Розовели снежные цветы.
За окошком на тропе знакомой,
Показалась и мелькнула ты.

Белой шерстью тонкий стан окутав,
В легком беге устремленных лыж,
Из лесных седеющих уютов
В ширь равнин крылатая скользишь.

*
**

Ветер веером развеял юбку,
Резкий, упирается в плечо, —
Как бы льдинкой ты не стала хрупкой,
Зацелованная горячо.

*
**

Не вернуть любимого досуга,
От уныния или греха
В ночь неверная ушла подруга
В душные закутавшись меха.

И один февральский слушать ветер
Я остался в домике, где мы
Забывали о ненужном свете
Под пушистым пологом зимы.

Ту, что ввысь уносит нас, волнуя,
Или стелется зимой, как дым, —
В смене дней невольницу земную
Малую любовь благословим.

МОРОЗ

С вечера морозит. Половицы
Треском нарушают наш уют.
Сквозь окно бессилён день пробиться
И по стенам сумерки ползут.

А в лесу, что, белый, словно ожил
Медлены движенья зябких коз.
Даже душу, душу заморозил
Злой рождественский мороз.

Мы любовь с ленивою подругой
Вместе греем у огня —
Может быть согреем перед вьюгой
В тусклом полусвете дня.

ПРОЩАНИЕ

Тишь. Пустыня. Лунный круг.
Твой ли это шепот, друг?
Это вздох воды в тиши,
Или всплеск твоей души?

Небо близко. Ночь светла.
Это я к тебе пришла —
Это — я, но, видит Бог,
Не со мной ты быть не мог.

Что-же, милый. Ночь душна —
Пей уста мои до дна. —
Может быть в последний раз
Злое счастье сводит нас...

А теперь все позабудь:
Ждет меня далекий путь.
Раз еще скажи: «прости»!
И меня перекрести.

Месяц утренний в окно
Льет багровое вино.

*
**

Из горечи утрат возникнут ныне
Простые, вечные слова,
И скорбь узнав, о возмужавшем сыне
Взыграет робкая вдова...

Старинныя забудутся обиды
Под этих слов покойный ритм,
И будет лик незлобной Эвмениды
Слепящим золотом залит.

*
**

ПАРИЖСКИЕ ВИДЕНИЯ

Туманны выси NOTRE DAME.
Пустеют шумные бульвары.
Опасны дремлющим сердцам
Ночныя действенныя чары.

На падшей деве, у крыльца,
Из пыли звездной одеянье,
Преображенного лица
Чудесно тихое сиянье:

То нищей деве — с алым ртом
И подведенными глазами —
Любовь даруется Творцом
И власть над сонными сердцами.

ВЕРЛЭН

По этим улицам движенья нет
 А жизнь тиха, мелка, —
И не погасит их заженный свет
 И пенная река
Волнений грозowych, обид, страстей:
 Душа его живет,
И путников манит, и ждет гостей
 И в тайный храм ведет...

Там, за углом, сидел недвижный он,
Огромной нежностью души обременен,
И бледной зеленью дышала
Изжитая любовь — со дна бокала.

С В Я Т А Я Ц Е Ц И Л И Я

*Мой возлюбленный — Ангел Божий:
Он ревниво охраняет меня.*

(Из песен о Св. Цецилии).

Мой возлюбленный — Ангел Господен,
Он — ревнивый Хранитель мой.
Верно Господу стих мой угоден:
Голос ангелов — голос мой.

Ах, жива в веренице столетий
Будет память о песне моей —
Эту песню слышали дети,
Дети вторили песне моей!
На старинных больших мандолинах
Звуки нежные пели весь день.
Боль умолкла в просторах глубинных,
Отцветал нескончаемый день...

Это ангелы были со мною?
Эта песня, Господь, моя?
Или в смерти, пред Тайной ночью,
Стала звуком любовь моя?

Ш А Р Т Р

Под солнцем Галлии счастливой
Необозримые поля
Бегут, волнуются лениво,
Вкруг каменного корабля.
И скрытое тая томленье,
За поколеньем поколенье —
Вершат свой ежедневный труд,
Молитвы небу воссылают,
Рождаются и умирают,
Над мертвым плачут и поют.

И та же позолота нив,
Как в оный день, как ты единый,
Когда в семье гранитных див,
Новорождаемое диво, —
Ты воздвигался молчаливо
В одежде балок и колес...
И встал, еще объятый пылью,
И своды распустил, как крылья,
И башен острия вознес.

Сокровищница? Птица? Улей?
В тот день заженные, — огни
Притушены, но не задули
Их ливнем хлынувшие дни
Годов несчетных временами,
Невиданными мятежами,
Волненьем духов окружен,
Летишь, и розовеют стекла:
Земная слава не поблекла
В огне начертанных Имен.

Когда, какой обратный ветер
Тебя от цели отнесет,
И возмущенной бурей встретит
Твой незамедленный полет?
Эфира горная прохлада,
Недвижных парусов громады
И в ночь бегущие поля...
Лишь редко, под вечер, — как бремя
Тебе сквозь медленное время
Была летучая земля.

итальянские стихи

КАПЕЛЛА МЕДИЧИ

Deh! Parla basso.

Сюда не ринутся ни звуки, ни лучи.
От холода камней покойной силой веет.
Не камню плотью стать. Есть выше цель.
Темнеет...
И голос чудится: Мне хорошо. Молчи.

ISABELLA D'ESTE...

За гордое твое хотенье
Обнять творенья полноту,
За холод царственный Мانتеньи
И строгой мысли чистоту

Ты в памяти благоговейной
Поэтами вознесена.
И тайны дымкой тиховойной
Тебе сопутствует весна.

Б Е Н О Ц Ц О Г О Ц Ц О Л И

В пределы тесные ты все вместил умело:
Парчей тяжелою охваченные станы,
Охоты вольный бег и даль твоей Тосканы.
И вот в толпе ты сам, дерзающий не смело
Себя грядущему явить, на поученье
Поэту чуждому, познавшему твой трепет,
Твой хмель торжественный вселенского
служенья,
И варварски звучит латынью медной лепет.

*
**

Латинским парусом погас
Закат на взморье и затеплил
Венеции иконостас,
Венеции остывший пепел.

И стали воды глубоки,
Неизреченны и бездонны:
С небес, по выгибу реки,
Плывут гондолы и мадонны.

Та с яслями, та со стены,
Где зреют розовыя гроздья,
Та в синем, праздника весны
Беллини благодная гостья.

Их много, много протекло,
Покуда не замкнулись своды...
И тяжело стучит весло
О поглотивших их воды.

TORCELLO

Тут мастера из дальней Византии.
Сожженный солнцем остров мирно спит,
И потемнели ризы золотые
Над алтарем мерцающих абсид.

Но строги не улыбчивые лики
Святых, и свеж, как новозданный храм,
И корабли воздушной базилики
К восточным нас уносят берега.

ВЕНЕЦИЯ

Морей жемчужина, давно ли
Мой взор восторженный ловил
Знакомый ряд у старой воли
На страже гордых компанилл.
Я снова твой — мечты крылаты, —
И мне — каналов мерный плеск,
И весел шум, и зданий блеск,
Как в небе радуга, богатый,
И возникающий вдвойне
Излом уже забытых линий,
Джудекка в зоревом огне,
И узких улиц сумрак синий,
Все будит старую любовь —
Лагуны ширь и моря ласка,
И красный парус, точно кровь
На зыби светлого дамаска.

*
**

Те же, что прошлой весной и ныне цветы
на каштанах,
Та же, волнуясь, душа в каждом дыханьи
течет
Трепетно, тихо и ясно твоя любовь погасала
С шумом катилась жизнь мутною плеща
волной
Вечное есть в устремлениях духа и смертью
венчанный
Волей твоей и моей, в вечном твой образ
живет.

“Приди на помощь моему неверью”.

Тютчев.

Ночь была и, пустота, и холод.
Неужели разлучили навсегда?
Неужели в тусклом море золота
Догорела поздняя звезда?

И огонь тебе на миг блеснувший,
В тот жестокий невозможный час,
Озарил желания потухшие
В омутах пленящих твоих глаз...

Эти дни, — безцветны и похожи,
Этот холод... Неужели навсегда
Ты уходишь? — близкая, возможная,
Ясная, как вешняя вода...

Я не знаю. Я уже не верю,
Ночь вокруг. Пустой и мертвый край,
Помоги же моему неверию
Или хоть забыться дай!

ЭЛЕГИЯ

В сиянии уходят корабли
В расплавленное золото заката
И серой вечереющей земли
Волнует шум, наскучивший когда-то.

Перед тобою та же гаснет даль,
Почти в бреду твои я вижу плечи,
В сиянии догорающий февраль,
Беспечный и холодный этот вечер.

*
**

О будет вечный плеск твой слух ласкать
Сон навевать о неприступном свете,
И никогда мне в жизни не узнать,
Что передумала ты в миги эти.

Мне шум земли и пресный пыли вкус
Уж на губах, не едкий привкус соли,
Не бремя легкое привычных уз,
Но тяжкий груз вновь обретенной воли.

РАДОСТЬ

Ни слов, ни песен, ни признаний
Не надо, если на устах —
Следы неведомых касаний,
А в сердце — незнакомый страх.
Беги далеко, в глушь лесную,
Туда, где — сонных вод простор,
Где — мхи, и тленную седую
Туман колышет с древних пор.
В великом таинстве природы
Ты тихий свет найдешь, и с ним
Покой непризрачной свободы
Неизречен, неизъясним.

В вечерний час, когда задремлет
Кругом дубрава, и во сне
Полету вечных духов внемлет
В недостежимой вышине, —
Вся жизнь мелькнет перед тобою,
Как полношумная волна,
Недуг страстей, игра с судьбою,

И покояны времена, —
Как будто огнезарный гений
Над этой жизнью пролетел,
И каждый атом заблестел
В дыму пылающих мгновений.

Ты к нам вернешься, но другим
Проникнув в тайны мирозданья,
С душой, отвыкшей от страданья,
Нездешней волею храним.

И будет путь тяжел и труден
Твой путь пророка и певца:
Пусть будет мгла житейских буден,
Но в сердце — радость без конца.

Польются песни. И в тумане
Узнать сияние лица,
Следы Божественных касаний
И радость, радость без конца!

*
**

Такой огонь — избыла ль ты, Душа? —
Разлитой по земле,
Сжигающий сердца?

В земной золе
Мы ждали, чуть дыша,
Вечерних, синих рос...

Но Время в ночь
Уносит память дня,
В неизжитую ночь.

— «О превозмочь
Тот океан огня!» —
Мой страдный день, живительный как ночь!

*
**

Огромными недвижными волнами
 Легла моя страна.
Над топиями болот, над целинами
Плывет туманом ласковым весна.

И вот слилася с горестной и чудной
 Душой моей земли —
В пустых полях, что рожью изумрудной
И горькою полынью порасли.

*
**

В сухой земле немеют корни
Еще не слышна поступь лет,
Но равнодушной и покорней
Мы к свету тянемся. И свет
Все недоступней мглою горней,
Как власяницею, одет.

Блистательных туманов царь.

Боратынский.

На нас печать проклятия легла:
Под сенью светоносного крыла
Мы верили в туманные мечты,
В восторги призрачные красоты.
Но жизнь, — о благосклонная! — сожгла
Нам души, опаленные, до тла,
И под лучами солнца горних стран
Блистательный рассеялся туман.
Наш слух острее и прозорливей взгляд,
Кремень несокрушим, безсилен яд
Любовных упоительных утех,
И по утрам наш веселее смех:
У настеж в мир открытого окна
Нам Мудрость сокровенная видна.

*
**

Есть цель одна, и путь один,
Как даль, как море, необъятный,
Везде, всегда, в дыханьи льдин,

Под ризой ночи благодатной,
Тяжел, как молот, бой времен,
Томит прошедшее сильнее,
Душа растет, и нежность с нею,
И — долгий плен преодолен,
Страданья нет, забыто горе,
И цель одна, и путь один —
Любовь с мерцаньем звезд во взоре
Под треск ломающихся льдин.

*
**

Какою горечью какою
Отравой нас ночь поит,
Нас предназначенных покою
Под холодом могильных плит
Под неба тайной бессловесной
Под этой бездною беззвездной
Где смерть безкрылая кружит.

И ты прелестница какую
Отраву древнюю лиешь
Какой обман, какую ложь
И славу горькую людскую
За миг блаженства продаешь?

Что б ночь в душе и ночь во склепе
Звезд мириадами зажглись
Как неба свод в великолепьи
Омытых бурей звездных риз.

Р А З Л А Д

В часы бессилья и тревоги
(О предрасветная печаль!)
Душа, проснувшаяся в Боге
Глядит в яснеющую даль.

С земли поднялся пар, и в небе,
Роясь клубятся облака,
В траве отмечен каждый стебель,
Вдали, как снег, блестит река.

А тело жжет огонь, и очи
Застыли. Злая давит мгла,
И нет зари для вечной ночи,
Росы — для знойного чела.

И лишь одна, со дна берлоги,
Как будто ей чего-то жаль,
Душа проснувшаяся в Боге
Глядит в сверкающую даль.

*
**

Без думы о возможном, о борьбе,
Они беседовали о тебе.

Один сказал, что ветер в сад донес
Медвяный аромат твоих волос.

И говорил второй, что он вкусил
Лозы небес и мир благословил.

И вторил им последний, говоря,
Что ты светла, как райская заря.

Я знал, один, зияющий провал
Твоей души, но верил и молчал.

*
**

Весь мир в огне. Душа моя горит,
Как связка хвороста. Как сизый дым,
Ползет тоска. Кругом — пустынный вид.
И к небесам отверстым и пустым
Нечеловеческий восходит вздох.
Там, может быть, блаженство и весна,
Там в блестках рос сияешь ты, мой Бог, —

Покой и вековая тишина?
Пошли на землю благостную тень,
Взнеси, о Боже, Твой победный стяг,
И души, неутешныя в скорбях,
Неведеньем, как ризою одень!

*
**

Сияет день, и зелень лип густа,
И душу жгут безмолвные уста.

О праведна твоя любовь! И даже
Легка, как пух, твоя, Эрот поклажа. —

Для тех чей взор пытливый различил
Под хаосом — игру согласных сил,

Чей слух к отвесной обращенный круче
Следит за шорохом ползущей тучи.

*
**

О летней ночи — в мятель,
О белом доме — в изгнании,
В пустую ложась постель
О нежном пальцев касании.

Мы ткали чудные сны
Из нитей цветочных, шелка,
Под знаком каждой луны,
Вдали от шума и толка.

И сколько светлых химер
С расцвеченными крылами
Мелькнуло, неся размер
В любимое смутно нами!

И стало с тех пор ясней:
Невиданные приметы —
Над мороком скучных дней
Зажглись огромные светы!

У М О Р Я

Синее море опять
Рвется, слепит синевою
В мерно бьющемся сердце
Древние метры рождая.

Вновь суждено мне блуждать
В этом горячем просторе,
Где соленый мутит
Душу бессмертную ветер.

РУКИ

Глаза солгут, улыбка уст обманет
И шеи ласковая теплота.
И над тобой ночными призраками встанет
В виденьях утренних не та, не та, —
Медлительного ангел сладострастья,
О сокровенная моя душа.
В твоё лицо заглянет, не спеша,
Всегдашний недруг, оборотень счастья.
Одна лишь не обманет сказка рук
В греховно грубом и ненужном теле,
В пустых ладонях девичий испуг,
Немая песнь о вечно близкой цели,
В перстах сиянья, тихий, ровный свет,
Глубинного сиянья излучения.
Лишь в белизне предплечий — откровенье
На страсть и горе обреченных лет.

СУЛАМИТА

«Я не могу, любя Тебя, — молчать.
«Я вся твоя! Я — лилия долины,
«Я — роза гор! — к чему цветам дышать
«В зеленых вертоградах Палестины?»

«Любовь, как смерть. Мой Сильный, мой
Единый,
«Он весь — гроза! На мне Его печать.
«Но где, скажите! — где Его искать,
«Вы, юноши и женщины равнины?»

Так древле в Книгах явлен нам закон,
Древней Психе, древнее, чем Хариты.
И вящей славой славен Саломон!

Алей зари, румянцем дня залитой,
Душистей чем алой и киннамон, —
Любовь и муки черной Суламиты.

Ф Р А Н Ч Е С К А

Две тени, слитых мукой вечной,
Пред вещим взором пронеслись.
В бесстрастии гордости беспечной
Бесстрашием вооружись,
О Муза. Долг не знает платы,
Летучий прах с ноги крылатой
Движеньем легким отряхни,
Стыдливыя сожми колена
И вольный стан, не знавший плена,
Ремянным поясом стяни.

Безлюдной улицей холодной, —
Заснувший город глух и нем, —
В короткой юбке, шляпе модной
Пройди неузнана никем
И, благосклонная, быть может,
В ночи замешкавшим прохожим
Неясной жаждою сродни,
Что б девы странной, безрассудной
Запомнился им образ чудный
И взмах испуганных ресниц.

И все прости — в кольце бессонных
И гарью прокопченных стен, —
Труб минаретами взнесенных
Безбожный и тревожный плен,
И в электрическом задоре,
Соблазны всех фантасмагорий
Под стук фабричных мастерских,
Все, чем гордится время наше,
И пол, и кровь, и полной чашей
Безумство всех страстей людских, —

Покуда миг случайной встречи
Души не покоробит гладь,
Пока не загорятся плечи,
Когда, вернувшись, на кровать
Ты скинешь грубые покровы,
Невольных дев наряд суровый
Сменя румянами стыда, —
Весение дохнут зефиры,
Тончайшие пронзит эфиры
Ракетой взмывшая звезда —
Франческа ты. Преображение

В убогой комнате, где я
Так скупое мерил отражение
Стеной завещанного дня, —
То за окном открытым, выше,
Где серебром змеятся крыши
И необъятен круг земной,

Земные скинувшей обузы
Несутся сестры — музы, музы! —
В воздушном танце надо мной.

ОБ ОТШЕДШЕЙ

Будут долго тянуться недели.
В песнях стану беседовать с Ней.
Сниться будут лохматые ели,
Вереск утренних светов нежней.

Старый Север она не любила:
Ночью волки пугали, снега
С каждым днем прибывали. Ходила
По реке снеговая пурга.

Только в сумерки ночи весенней
Раз невольно упала слеза —
Стали бледного цвета сирени
Голубые, когда-то глаза...

Память долго меня не тревожит,
Вслед иное придет бытие,
И в бесчисленных далях умножит
Запредельную славу Её.

Г А Ф И З У

Я не видал садов Ширази,
Я не слышал твоих газелл,
И не меня пленить хотел
Суровой важностью рассказа

Чужой и странный твой язык. —
Но я пришел к тебе — случайно
Поэт иных времен — и к тайной
Ограде, трепетный, приник.

И песнь твоя мне стала внятной
И ясною сквозь шум веков,
Как пенье птиц, как розы статной
Благоуханный, алый зов.

А Н Н А П У Р Н А

Слова, Слова, Слова. Тебе ли тень Гамлета,
И шпаге, и плащу,
Тебе ль, прекрасное дитя добра и света,
Сонат мой посвящу.

Мы все актеры здесь. Кругом огни и звуки,
И на подмостках шум,
И обнаженные, протянутые руки
К властительнице дум,

О Полигимния! Испуг нежданной муки,
Стук и девичий смех.
И опускаются беспомощные руки
В волнующейся тьме.

Румяна не к лицу, не по ноге котурны,
В сожжении небес
Вкусившим горный хлад и воздух Аннапурны.
Молчание и блеск.

День пчелою прожужжит,
В вечность канет. И опять
Мерно ночь в окно стучит.
— Приголубить? Приласкать?
Свет в лампаде погасить,
В темь ночную погрузить
Душу сонную? — Легко
И привольно будет ей
В звездном сумраке аллей.
Раскидаться широко.
Стынет ночь темным темна.
Ни просвета. Ни звезды.
И, взыгравшая, одна,
Кинув горные сады,
Вся в алмазах, хороша
Окрыленная душа.

Т И Ш И Н А

Вот лунный стал над елью лик,
Не улыбнется — мертвый лик.
И ночь мертва, и ель и я,
И тяжек воздух забытья.
Подлунный мир велик, велик,
И разве где-то есть чертог,
Где звездным хором правит Бог, —
Застывшим миром мертвый Бог.

Над елью желтая луна
Не улыбнется, но видна
Другая в зеркалах луна,
Но в глубине и в вышине
Всему незримый есть двойник:
Творимый мир велик, велик!
И в первозданной тишине,
Как вечность полной, в тишине
Восходит к небу слабый вздох,
И это жизнь, а в этом — Бог!

*
**

Эта луна во мне,
Точно в зеркалах вод.
В призрачной глубине
Страшен луны восход.

В клубы свернется дым,
Стаи метнутся туч, —
Только блеснет стальным
Лезвием первый луч.

Хлынет потоком свет, —
Вот и угнались прочь, —
И, в серебро одет,
Мир загляделся в ночь.

Слышишь немой размер?
Это — звенит роса,
Это — с надлунных сфер
Стройные голоса...

Сбудутся скоро сны.
Лунный все шире свет.
Помни: от чар луны
Освобождения нет.

*
**

Жили мы высокими мечтами,
Ныне славой малых мест живем
В простоте беседуем с богами
И огонь домашний бережем.

Только мудрость этой жизни малой
Дорогой купили мы ценой —
Веснами на родине усталой
И не первой вьюжною зимой.

И покой наш не всегда надежный,
Часто память раны бередит.
Выносливей сердца — глыбы снежной —
Петербургский розовый гранит.

Когда внимая вою бури
Перед завешанным окном,
От света внутреннего жмуря
Глаза, ослепшие давно.

Ты скажешь мигу — он прекрасен,
И времени — «остановись», —
Гляди, в пролеты черных башен
Лебяжьи стаи пронеслись,

В неведомое протяженье
Нездешняя раздалась даль,
Где не покой, и не движенье,
И не любовь, и не печаль,

Но будто в выпренное пламя
Уходят, пасынки земли,
Недвижные под парусами
Невиданные корабли.

.

То ветер, бушуя на просторе,
Перед рассветом изнемог,
Тьму опоясал в вечном споре
Румяной лентою восток.

СТЕПЬ

Я полюбил тебя за громы
Твоих молниеносных бурь,
За бухнувшие черноземы
Сквозь красок бледную глазурь,
За неразгаданную повесть
Судьбы твоей, за женский пыл,
За тяжкий взмах дрофиных крыл
Над золотом твоих сокровищ.

Невольник твой, упрям и тих,
Хозяин, или гость случайный, —
Я шел в раздолье нег твоих,
В просторов плен необычайный, —
К тебе, влачившей по земле
Тысячелетние соблазны
От края дебрей непролазных
До гор, незримых влажной мгле.

И вот настиг тебя. Могучей
Насытился. И брежу, пьян,
Теснины всех благополучий
Отдать за знойный океан,

Где мнут просторы золотые,
Ведя послушные рои,
Твои Потемкины, твои
Косоочитые Батыи!

В бесстрастной памяти рамен,
Под равнодушным синим небом,
Тебе ль покой иных времен,
Червонокудрая, неведом?
Что перед вечностью — служить
Америки грядущей туком,
Иль половца, с конем и луком,
В ковыльный шелест погрузить!

П О Т О К

Потерянный в долине отчей,
Ты волновался и бежал,
Всегда иной и вечно тот же,
С землею смешанный кристал,
И вдруг потек. В тот полдень знойный
Холодных вод поток нестройный
Сменя на теплые струи, —
Покуда океан гремящий,
На гребнях волн клубящей тучи,
Их не рассеял в забыты.

Теки поток. Раздуйте ветры,
Согласьем разных голосов
Все неисчерпанные Метры,
Как груди сонных парусов, —
Да воскресит случайный лирик
В стенах прославленной кумирни
Высокий строй забытых од, —
Парнас беспечный, где державен

Был с Ломоносовым Державин,
Ведя послушный хоровод.

Не надо песенного дара.
Еще у олимпийских мет
Был полногласный строй Пиндара
На вздох сапфический — ответ.
В величья буйного години
Стыдом бессилья жгут седины,
Любовная черствеет речь.
В волчке ветров, несущих громы
Пучками тлеющей соломы
Костров потухших не возжечь.

Они лежат в степи кругами
Прибитой ливнями золы.
Пожрало жертвенное пламя
Испепеленные стволы
Берез с бездумною главою
Грядой стоявших межевою
Екатерининских дорог.
Пусть будет голос наш размерен
Величия заветам верен,
С весельем дружен и широк,

Как ты в грозу, — покинув ложе
Гремящих глухо валунов,

Катясь громадою пригожей
В равнине родственной лугов
Забыв — о, грома тяжкий молот —
Сияющий нагорный холод,
Размерен и созвучен ты,
И мощи полон, и покоен,
И чести сильных удостоен
В покое мощной широты.

НОВЫЙ ЭНЕЙ

Из городских пустынь, из Умбрии спаленной
Из сел дымящихся Тосканы, утомленный
Святой отец бежал, терпеть не в силах зной,
Был призрак гибели, простертый над страной,
Невыносим душе, сомнением разъятой.
Святой отец бежал на склоны Амиаты.

У врат обители, на холмах голубых,
Встречают пастыря. Зеленые дубы
Раскинули приют, насыщенный прохладой.
По тучным пастбищам, играя, бродит стадо.
Холодный ключ журчит. С утра звенит коса,
И на заре лежит обильная роса.
За кружево ветвей уходит даль, и стены

Едва виднеются пылающей Сиены.
Лишь редко огласят окрестный буерак
Рожок охотничий и звонкий лай собак,
И смолкнут. Редко кто за ланью быстроногой,
Продолжит шумный бег до пажити убогой, —

Там в каждой хижине привратницею — смерть,
И жарким пологом на землю пала твердь.

В тени замшелых стен, у монастырской риги,
На крашеном столе пергаменты и книги.
И в час полуденный, — отраднее вина, —
На блюде глиняном Энею подана
(Неловок и смущен, глаза потупил служка)
Холодным молоком вскипающая кружка.
Работа спорится. Высокий гонит ум
Пугливые рои домашних, низких дум.

О праведно твое спокойствие, и, даже,
Легка, как пух, твоя, возница душ, поклажа
Для тех, чей вещий взор, пытая, различил
В бореньи царств земных игру согласных сил,
Чей вознесенный слух в седеющие кручи
Следит за шорохом по ним ползущей тучи!

От риги, от кустов, склонясь, бросает день
Багровым заревом окрашенную тень.
Вечерним пламенем лесистая вершина
Зажглась. И чудища ползущей вниз долины
Пугает медленно клубящуюся мглой
Ленивые стада, бредущие домой.

Молитву кончили. В уже ночной дубраве
Звенит последний стих умолкнувшего «аве»
И звезды низятся и сыплются кругом

На темных стен зубцы, на темный Божий дом.
И сонмом ангельским влекома ввысь слепая
Душа. И медлит ночь, неслышная, ступая
По мокрым зарослям. Свершается, полна,
Владычица души и мира — тишина.

Как разбухающий, как полновесный колос
Всемирной тишины растет надмирный голос
Над дольным полымем в пожаре слитых чувств,
Наук невиданных и призрачных искусств,
И в нем греми векам, от полноты полнея,
Сверхчувственный покой заснувшего Энея.

Ш И - Х У А Н Г - Т И

Император Ши-Хуан-Ти, из династии Цин, приказал сжечь все книги и рукописи, написанные до него, дабы с его имени начиналось летоисчисление мира.

Всю мудрость их, как из чаши,
В янтарных отсветах неба
Лазоревый дух велик.
Не скрыть от царского гнева
Кострами сложенных книг,
Железным словом закона
С веками кончен расчет,
И в желтом небе Дракона
Остановился полет.

В тревоге необычайной
Из храмов бегут жрецы, —
Спасут вековые тайны
Поэты и мудрецы,
Блюстители откровений,
Минувшего голоса!..

И в сумерках чьи-то тени,
Качаясь плыли в леса.

Их радостно пробужденье
Под сосен верховный шум,
Размерное вод паденье
Смиряет кипенье дум,
И, в душах уж беспенных
Тая золотую грусть,
Глаголы стихов священных
Они твердят наизусть.

Всю мудрость их, как из чаши,
Бездонные пьют сердца.

О сбудутся гимны наши
И будут петь без конца!

С КИТАЙСКОГО

Напряги тело твое, как лук.

ЯН-ЦЫ.

Учитель говорил: «Стрелку из лука
Подобен мудрый. Промаха причину
В самом себе ищи, стрелок неловкий».

Но вот как лук твое упруго тело,
И мысль острее острия стрелы.
Коль правое избрал ты дело целью,
Стрелок искусный, — промаха не бойся:
Мишень пронзит послушная стрела.

*
**

Умчало, пусть — о тщетной крик погони —
Дней юности блистательный разгул, —
Не заглушат высокий строй гармонии
Вой муз и беспощадный — в окна гул.

И мимо все прошло. И стал мне слаще
Сладчайших всех и благодатных музык
Ваш голос про земное говорящий, —
Ваш золотой, ваш ангельский язык!

Чернее тьмы, зари яснее Божьей
И громче возвещаемых побед
Вдоль пустырей земного бездорожья
Земной любви неизгладимый след.

G R E E N

(Paul Verlaine)

Вот ветки, и цветы, и листья, и с плодами
Вот сердце, что для вас одной хранит свой жар
Его не разорвите белыми руками!
Но пусть для ваших глаз мой будет сладок дар.

Я прихожу еще покрытый весь росой
Под ветром утренним замершей на челе
Вы бремя прошлого, у ваших ног, с мечтой
О часе отдыха, сложить позвольте мне.

И дайте, звонкою от ваших же лобзаний
На молодую грудь склониться головой,
И буре благостной улечься, в ожиданьи,
Чтоб мог и я заснуть, раз вы нашли покой.

В садах немеющий полночи
На диво невским берегам
В веках непревзойденный зодчий
Воздвиг нерукотворный храм.

Она приходит утомленной
Легла на черный бархат роз
Поток метнулся благовонный —
Как рой пчел — ея волос.

Раскрыта грудь. Дыханье мерно
Рука скатилась на ковер.
Что снится ей? В садах Фалерна
Иакху жертвенный костер?

Или в безгрешном упоеньи
На крыльях реющего сна
В каких райские селенья
Ея душа вознесена?

Безмолвен храм. Сквозь дым курений
От стекол редкостной игры
Вечерние ложатся тени
На кашемирские ковры.

Е В Р О П А

FINIS TERRAE

Сколько раз воспетая поэтами
Утром закурчавилась Бретань.
Горы яблок. Много, много света.
За бугром — земная Иордань. —

Темно-синий, с белыми барашками,
Хмель соленый пенит океан,
Ветра неожиданными встрясками,
Бурей недоношенною рьян.

Тут конец дорогам. Обрываются
Езженные колеи.
Жадной лопастью винта взрываются
Иорданские струи.

И дудит, одна гудит Америка
Струнами невидимых антен,
Заглушая близкий говор берега
Музыку тысячелетних стен.

*
**

То заводов неумолчным грохотом
Над просторами чужих степей,
Отвечает прибережным рокотом
Черный ветер в кружеве снастей.

Глубоко на дне, в истлевшем саване
Видит сны веселый твой супруг,
Как одна, над пестрым лесом гавани,
Ты машин ловила ровный стук,

На скале стояла, озаренная
Солнцем, уходящим в океан,
В ночь, стотысячную ночь склоненная,
Преломившая, как розу, стан,

Как тебя, бездомную и нищую,
Всю покрыл голубоватый свет
В низкой церкви, где висит под крышею
Небольшой нарядный гоэлет.

*
**

Жизнь уходит недопетой, странною,
И на гробы рушатся гроба.
С Ярославной, Родегундой, Анною
Общая твоя судьба.

Узки, темны улицы Севилии.
Шпаги звонче серенад.
Но регалий увядают лилии,
И Версальский умирает сад.

Вновь туманы носятся над башнями,
И поют, поют, поют, рога...
Трудно жить надеждами вчерашними
И живой остаться... на ногах...

И росла сковала, целомудрием
Упилая, как вином, — жена,
Тишиною, холодом, безлюдием
На любовь, на смерть обречена.

*
**

Отошла — пластом размытой падали
Жирная и рыжая земля.
Клочья пены белым снегом прядали
За кормой живого корабля.
Бык ногами нёс тебя бессонными
В лабиринт веков, — о страшный вид! —
Между фыркающими тритонами,
Толпами косматых нереид, —

Для того ли, что б тысячелетьями
Ты несла обетованный плод,
На костер ложилась изувеченной,
Ослепляла золотом щедрот,

Что бы, одержимая, в истерике
Билась ты над маками могил,
Отдала сестре твоей Америке
Неисжитой молодости пыл.

*
**

А далеко, на иных окраинах,
С каждым веком шире и слышней
Разносился шум побед не чаянных,
Скрип колес и ржание коней.

Но сравню ль с твоими каравелами
Оргий клекот на моих челнах,
На ветру сравню ли с карабелами
Голых шашек песенный размах?

Там в степи, глухой и неисхоженной,
Восходило солнце, как пожар,
Что бы на лице твое положены
Были пятна света и загар.

Были гари все тобой изучены,
Тайн твоих пифический туман,
И бежал к ногам твоим прирученный,
Как ягненок лапаясь, океан.

*
**

«Бди, Могучий, — отвечала мудрая, —
И, волнуясь, гривы волн взвивай,
Пах пахучий, будто белой пудрою,
Колдовскою солью посыпай.

Вихрями шуми, ласкай зефирами,
Синью отраженною синей, —
Межь осиротелыми пальмирами
Нет меня ничтожней и сирей.

Это перекроенными картами
Космос древний запестрел,
Это — Пушкиными и Декартами
Мне поставленный предел...

О, застынуть каменною грудой,
Обрасти сырым, тяжелым мхом, —
Под оливою сребрянокудрою
Дол бесплодный и двурогий холм».

Краткая биография.

Граф Петр Андреевич Бобринской родился 19 декабря 1893 г. в Петербурге. Учился в 6-й гимназии, после окончания которой поступил в Политехнический Институт. Окончить последний курс Института ему не пришлось из-за войны разразившейся в 1914 году.

В начале войны поступил на ускоренные военные курсы и вышел офицером в Гвардейскую Конную Артиллерию. В армии оставался до конца войны.

В 1919 г. находился в Крыму в Добровольческой Армии в Отряде Особого назначения по охране лиц Императорской Семьи.

В 1920 г. был эвакуирован в Константинополь, откуда переехал в Париж, где и оставался до конца своей жизни.

В 1940 году во время оккупации Франции был арестован и препровожден в немецкий лагерь в Compiègne, где находился несколько месяцев. После окончания войны в 1944 г. продолжал писать на литературные и философские темы в русской и французской прессе.

В течение ряда лет его статьи и стихи печатались на страницах русского журнала «Возрождение», издаваемого в Париже.

Наиболее раннее стихотворение, вошедшее в сборник, написано было поэтом в 1914 г. («Десятая Муза»).

Внезапная смерть гр. Бобринского 24 августа 1962 г., помешала ему закончить подготовку сборника стихов к печати, который выходит уже посмертным изданием.

Погребен поэт на русском кладбище под Парижем в Sainte Geneviève-des-Bois.

Париж, 1969.

Издатель

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
МАРИНА	11
МОРОЗ	12
ДЕСЯТАЯ МУЗА	14

Зимой

ПОРОША	19
НЕЖНОСТЬ	20
ПОДРУГА	21
ВЕЧЕР	22
МОРОЗ	24
ПРОЩАНИЕ	25
ПАРИЖСКИЕ ВИДЕНИЯ	27
ВЕРЛЕН	28
СВЯТАЯ ЦЕЦИЛИЯ	29
ШАРТР	30

Итальянские стихи

КАПЕЛЛА МЕДИЧИ	35
ISABELLA D'ESTE	35
БЕНОЦЦО ГОЦЦОЛИ	36
TORCELLO	38
ВЕНЕЦИЯ	39
Те же, что прошлой весной...	40
Ночь была и, пустота, и холод...	41
ЭЛЕГИЯ	42
РАДОСТЬ	43
Такой огонь — избыла ль ты, Душа?.. . . .	45
Огромными недвижными волнами... . . .	46

В сухой земле немеют корни...	47
На нас печать проклятия легла:...	48
Какою горечью...	49
РАЗЛАД	50
Без думы о возможном, о борьбе,..	51
Весь мир в огне. Душа моя горит,..	52
Сияет день, и зелень лип густа,..	53
О летней ночи — в мятель,..	54
У МОРЯ	55
РУКИ	56
СУЛАМИТА	57
ФРАНЧЕСКА	58
ОБ ОТШЕДШЕЙ	60
ГАФИЗУ	61
АННАПУРНА	62
День пчелою прожужжит,..	63
ТИШИНА	64
Эта луна во мне,..	65
Жили мы высокими мечтами,..	66
Когда внимая вою бури...	67
СТЕПЬ	68
ПОТОК	70
НОВЫЙ ЭНЕИ	73
ШИ-ХУАНГ-ТИ	76
С КИТАЙСКОГО	78
Умчало, пусть — о тщетной крик погони...	79
GREEN (перевод стиха Поль Верлена)	80
В садах немеющий полночи...	81
ЕВРОПА	82
Краткая биография	89

Imprimerie BERESNIAK
18, rue Fbg du Temple
—— PARIS 11° ——

ОПЕЧАТКИ

страница	строка	напечатано	следует читать
38	1 снизу	берега.	берегам.
80	6 снизу	мечтой	мечтою
86	7 сверху	Межь	Меж

